

Глава XLVI. ВОССТАНИЕ 31 МАЯ И 2 ИЮНЯ

Опять, как и перед 10 августа, народ сам подготовил восстание в своих секциях; Дантон, Робеспьер и Марат часто совещались между собой в эти дни, но они колебались, и действовать взялись опять-таки «неизвестные». Они составили клуб восстания во дворце Епископства и назначили для целей восстания комиссию шести.

Секции приняли деятельное участие в подготовительной работе. Уже в марте секция Четырех наций объявила себя «в восстании» и уполномочила свой Комитет надзора выпустить приказы об аресте граждан, подозреваемых за их противореволюционные убеждения. Некоторые другие секции (Моконсейль, Пуассоньер) открыто требовали ареста депутатов «бриссотинцев», т. е. жирондистов. В следующем месяце, т. е. 8 и 9 апреля, после измены Дюмуре, секции Бонконсейль и Хлебного рынка (Bonconseil, Halles aux Bles) требовали преследований против сообщников изменника-генерала; а 15-го числа того же месяца 35 секций выпустили уже список 22 членов Жиронды, которых необходимо было, по их мнению, исключить из Конвента.

Уже с начала апреля секции старались также объединиться для общего действия непосредственно, помимо Совета Коммуны, и ради этого секция Гравилье, всегда стоявшая впереди других, взяла на себя почин образования особого Центрального комитета. Этот комитет действовал только с перерывами, но с приближением опасности (5 мая) он вновь образовался, и 29 мая он уже взял в свои руки руководство движением. Что же касается Клуба якобинцев, то его влияние осталось ничтожным. Якобинцы сами сознавали, что центр действия не у них, а в секциях*.

*La Societe des jacobins. Recueil de documents sur l'histoire du club des jacobins de Paris. Red. et introd. par A. Aulard, v. 1—6. Paris, 1889—1897, v. 5, p. 209.

26 мая довольно многочисленные сборища народа начали осаждать Конвент. Часть из них скоро проникла в залу заседаний и при поддержке тех, кто был уже в трибунах, отведенных для публики, они начали требовать уничтожения жирондистской Комиссии двенадцати. Однако Конвент весь день сопротивлялся этому требованию и уступил только после полуночи, когда разбитые усталостью его члены не могли более выдержать напора со стороны народа. Комиссия была распущена. Но то была только минутная уступка. На другой же день, 27-го, жирондисты (составлявшие большинство в Конвенте за отсутствием многих монтаньяров, разосланных Конвентом в провинции) при поддержке Равнины снова восстановили Комиссию двенадцати. Восстание, таким образом, не достигло своей цели.

Что больше всего помешало успеху восстания — это то, что между самими революционерами не было согласия. Часть секций под влиянием крайних, которых называли «бешеными», хотела чего-нибудь такого, что ужасом поразило бы контрреволюционеров. Они хотели, подняв народ, убить главных жирондистов. Говорили даже о том, чтобы вообще перебить в Париже аристократов.

Но такой план встретил сильное сопротивление. Народные представители в Конвенте были, так сказать, под охраной парижского народа: он не мог в таких условиях обмануть доверия Франции. Дантон, Робеспьер и Марат решительно выступили против избияния депутатов. Совет Коммуны и мэр Паш, а также и Совет парижского департамента безусловно отказались принять этот план. Народные общества тоже отказали ему в своей поддержке.

При этом было еще одно соображение. Надо было считаться с буржуазией, так как уже тогда она представляла в Париже многочисленное сословие; батальоны ее национальной гвардии раздавили бы восстание, если бы им пришлось защищать свою собственность. Нужно было, стало быть, успокоить буржуазию, заверив ее, что ее собственности не тронут. Вот почему, например, якобинец Ассенфрац, хотя и заявил открыто, что ничего бы не имел в принципе против грабежа богатых, тем не менее воспротивился тому, чтобы восстание сопровождалось грабежом. «Их насчитывается, — говорил он, — 160 тыс. человек, имеющих постоянное жительство в Париже; они вооружены и вполне в силах отразить тех, кто захотел бы их грабить. Очевидно, фактически невозможно напасть на имущества», — говорил Ассенфрац в Клубе якобинцев; и он приглашал всех членов этого общества «обязаться скорее погибнуть, чем допустить нападения на имущества».

Та же клятва была принесена в ночь 31 мая в Коммуне и даже в Епископском дворце «бешеными». То же сделали и все секции.

Новый класс собственников из буржуазии, численность которого так страшно возросла с тех пор в течение XIX в., уже слагался в то время, и революционеры поняли, что они вынуждены к осторожности, дабы не иметь весь этот класс против себя.

Накануне восстания никто никогда не может знать, поднимется ли народ или нет. В этот же раз к обычной неизвестности примешивался еще страх, как бы крайние элементы населения не вздумали убить жирондистов в самом Конвенте и тем не скомпрометировали Париж перед другими департаментами. Три дня прошло таким образом в переговорах, пока не было решено, что восстанием будут руководить все революционные элементы сообща: Совет Коммуны, Совет департамента и Общий революционный совет крайних, заседавший во дворце Епископства. Решено было, что над отдельными личностями не будет совершено никакого насилия и что имущества не будут тронуты. Ограничатся одним нравственным восстанием — давлением на Конвент, чтобы заставить его выдать революционному суду виновных депутатов.

Этот лозунг и был развит Маратом вечером 30 числа в Епископском дворце по выходе его из Конвента, а потом — в Коммуне. Он же, по-видимому нарушая закон, по которому смертная казнь полагалась тому, кто ударит в набат, первый раскачал и ударил в колокол городской ратуши.

Восстание начиналось. Делегаты из Епископства прежде всего, так же как это было сделано 10 августа, низложили мэра и Совет Коммуны; но вместо того, чтобы секвестровать мэра и назначить новый Совет, они вновь ввели их в обязанности, как мэра, так и Совет, взяв с них клятву, что они присоединяются к восстанию. Они так же поступили и с Советом департамента, и в ту же ночь революционеры из Епископства, Департаментский совет и Совет Коммуны соединились воедино, образовав один Общий революционный совет. Он принял на себя руководство восстанием.

Этот Общий совет назначил начальником всей национальной гвардии Анрио, командира одного из ее батальонов — батальона секции санкюлотов. Скоро набат раздался по всему Парижу; на улицах и площадях барабанщики били тревогу.

В восстании, впрочем, замечалась всеобщая нерешительность. Даже после того, как с часа дня начали раздаваться мерные набатные выстрелы пушек, поставленных у Нового моста, вооруженные люди из различных секций, вышедшие на улицу, не имели, по-видимому, никакого определенного плана. Два батальона, верные жирондистам, первые прибежали к зданию Конвента и расположились напротив Тюильри. Анрио с 48 пушками секций окружил здание Конвента.

Часы проходили, но никто ничего не предпринимал. Весь Париж был на ногах, но народные массы не появлялись около Конвента, чтобы оказать на него давление, так что жирондист Верньо, видя, что восстание дальше не развивается, убедил Конвент провотировать, что «секции заслужили благодарность отечества». Он, очевидно, надеялся ослабить этим маневром их враждебность по отношению к Жиронде. Восстание казалось, таким образом, неудавшимся, когда под вечер подошли, наконец, новые массы народа и наводнили залу Конвента. Тогда монтаньяры почувствовали, что им явилась поддержка, и Робеспьер потребовал не только уничтожения Комиссии двенадцати и отдачи ее членов под суд, но и возбуждения преследования против жирондистских главарей, которых насчитывали 22 и которые не входили в Комиссию двенадцати.

Но этого предложения и обсуждать не стали. Все, на что решился Конвент, — это было снова уничтожить Комиссию двенадцати и потребовать передачи всех ее бумаг в Комитет общественного спасения, который обязан был представить о них доклад не позже чем через три дня. Кроме того, Конвент подтвердил декрет Коммуны, в силу которого рабочие, которые останутся под ружьем вплоть до восстановления общественного спокойствия, будут получать по два франка в день, вследствие чего Коммуна сейчас же взыскала налог с богатых, чтобы заплатить рабочим за три дня. Решено было также, что трибуны Конвента будут открыты для публики без всяких билетов.

Дело ограничилось, таким образом, второстепенными уступками. Партия жирондистов оставалась в Конвенте в полной силе и по-прежнему имела за собой большинство депутатов; движение, стало быть, не дало никакого существенного результата.

Но тогда парижский народ, понимая, что в сущности ничего еще не было добыто, начал готовить новое восстание на последующий день, 2 июня. Революционный комитет, составленный в среде Совета Коммуны, не теряя времени, отдал приказание заарестовать

бывшего министра Ролана и его жену (так как Ролан выехал, то арестовали ее одну), и он определенно потребовал у Конвента ареста 25 жирондистских депутатов. Вечером снова зазвонили в набат, снова раздались мерные пушечные выстрелы.

Тогда 2 июня весь Париж поднялся, чтобы покончить на этот раз. Более 100 тыс. вооруженных человек собралось вокруг здания Конвента. Они привезли с собой 163 орудия и требовали, или чтобы жирондистские вожди подали в отставку, или же чтобы 22 из них (позднее — 27) были исключены Конвентом из своей среды.

Ужасные известия, полученные в этот день из Лиона, придали восстанию новую силу. Оказалось, что 29 мая полуголодный народ Лиона восстал, но контрреволюционеры, т. е. роялисты, при поддержке жирондистов взяли верх и «восстановили порядок», истребив для этого 800 патриотов!

К несчастью, это известие было совершенно верно. Участие, принятое жирондистами в лионской контрреволюции, было вполне установлено. Тогда парижский народ озлобился, и лионские события погубили Жиронду 89. Народ, осаждавший Конвент, объявил, что никого не выпустит, пока так или иначе не состоится исключение главных жирондистов.

Конвент со своей стороны, т. е. жирондистская правая, Равнина и даже часть Горы, объявив, что их прения не могут считаться свободными, так как Конвент окружен народом, попытался выйти в надежде, что народ расступится перед своими представителями. На это Анрио, вынув саблю, отдал свое знаменитое приказание: «Канониры, к орудиям!» Члены Конвента, вышедшие на площадь, должны были вернуться.

Тогда, после трехдневного сопротивления, Конвенту осталось только покориться, и он постановил наконец исключения 31 жирондиста из своих членов. После чего депутация от народа пришла вручить Конвенту следующее послание:

«Весь народ парижского департамента посылает нас к вам, граждане-законодатели, чтобы сказать, что декрет, только что принятый вами, составляет спасение республики. Мы пришли вам предложить, что мы объявим себя заложниками в числе, равном числу выключенных Собранием членов, чтобы отвечать перед департаментами за их безопасность».

С другой стороны, Марат произнес 3 июня в Клубе якобинцев речь, в которой он излагал смысл совершившегося движения, и тут же провозглашал, что цель этого движения — создать достаток для всех.

«Мы дали большой толчок, — говорил он. — Конвенту предстоит теперь упрочить основы общественного благоденствия. Ничего нет легче. Нужно только открыто высказать свое исповедание. Мы хотим, чтобы граждане, которых зовут санкюлотами, пользовались счастьем и благосостоянием. Мы хотим, чтобы этому полезному классу помогли богатые по мере своих достатков. Мы не хотим нарушать права собственности. Но какое право священнее всех других? Право на существование! Мы хотим, чтобы это право собственности было охраняемо...

Мы хотим, чтобы в нашем деле были заинтересованы все те, кто не имеет 100 тыс. капитала. Те, у кого есть 100 тыс. или больше, пусть кричат себе... Мы им скажем: согласитесь, что нас больше чем вас, и если вы не хотите вместе с нами приложить руки к общему делу, мы вас выгоним из республики и возьмем вашу собственность, чтобы поделить ее между санкюлотами».

И он прибавлял еще следующую мысль, которую пришлось вскоре привести в исполнение:

«Якобинцы, — говорил он, — я должен вам сказать одну истину: вы не знаете своих злейших врагов, это — конституционное духовенство (духовенство, присягнувшее конституции). Это они больше всего вопят по деревням об анархистах, о дезорганизаторах, о дантонизме, о робеспьеризме, о якобинизме... Не потворствуйте более народным предрассудкам; подрежьте самые корни суеверия! Заявите открыто, что духовенство — ваш враг»*.

*La Societe des jacobins, v 5, p. 227.

В эти дни Париж вовсе не желал казни арестованных жирондистских депутатов. Все, чего хотело большинство, — это чтобы революционным членам Конвента была дана возможность продолжать революцию. Арестованных депутатов не послали в тюрьму, им разрешили, напротив, оставаться под домашним арестом. Им продолжали выдавать их 18 франков в день, полагавшиеся каждому депутату Конвента, и они могли ходить по Парижу в сопровождении жандарма, которого, впрочем, обязаны были кормить сами.

Если бы эти депутаты, следуя гражданским принципам древности, о которых они говорили с таким жаром, удалились теперь в частную жизнь, их, наверно, оставили бы в покое. Но вместо того они немедленно отправились в провинции, чтобы там поднимать восстание против Парижа и Конвента. И когда они увидели на местах, что им приходится идти против самой революции, рука об руку с духовенством и роялистами, они предпочли соединиться с роялистами скорее, чем отказаться от своих планов.

Тогда, но только тогда, т. е. в июле 1793 г., Конвент объявил их вне закона.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:47:07

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:47:23